

ШАХМАТНАЯ
ШКОЛА

ШКОЛА
ЧЕМПИОНОВ

Главная / Новости

Интервью с М. Голубевым

18/02/2016

Михаил Голубев: «В шахматах мне интересен открытый бой»

Ж: Михаил, в «Школе чемпионов» вы едва ли не каждую неделю проводите сеанс одновременной игры. Какие советы по методике борьбы вы бы дали участникам сеансов?

Г: Сотрудничество со «Школой чемпионов» является плодотворным – в ней занимается много перспективных ребят. С директором школы Иваном Юрковским мы также давно сотрудничаем в рамках совместной телепрограммы. Хотя будущее именно телевизионного проекта на данный момент не ясно, в его рамках сделано уже немало. Иван – молодой тренер с амбициями, старающийся поднять уровень шахмат в Одессе. Кстати, сеансы в «Школе чемпионов» дают и другие сильные шахматисты. Главный совет очевиден – детям в шахматах не хватает внимательности. Однако в одной-двух партиях в каждом сеансе идет полноценная борьба без явных зевков.

Скажу больше, в каждом сеансе обязательно есть партия, которая мне самому интересна в творческом плане.

Ж: На каком количестве досок вы проводили рекордный для себя сеанс?

Г: Вспомнить это не так легко. Как вы знаете, в «Школе чемпионов» сеанс обычно проходит на восьми досках. Это маленький сеанс. По моим меркам, более 20 партий – это уже большой сеанс. В прошлом году на День независимости Украины я давал довольно сложный сеанс в Южном. В этом сеансе приняли участие сильнейшие любители города. По техническим причинам дистанция между столиками было подобрана не совсем идеально. Пришлось много ходить "впустую". Но сам сеанс оказался очень боевым и интересным. Мне приходилось давать особенно много сеансов в 90-е годы. Был даже такой сеанс в Германии, когда против меня, помимо любителей, играло три компьютера. Наверное, это был самый сложный сеанс в моей практике. Добавлю, что в 1998 году, также в Германии, я участвовал в очень оригинальном соревновании. Если не ошибаюсь, в нем приняло участие 15 человек. Суть была в том, что каждый играл с каждым одновременно. Получалось, что каждый давал сеанс всем остальным. Представьте себе это количество столов! Это соревнование мне удалось выиграть. Когда я был молодым шахматистом, мне довелось дважды играть в сеансе с Ефимом Геллером. Одну партию я проиграл, потому что очень нагло действовал в дебюте. Вторая закончилась вничью. Я выиграл пешку, но большого преимущества у меня не было. Геллер предложил ничью, и я согласился. В турнирной партии я с Геллером не встретился, хотя он в 90-е годы еще принимал участие в соревнованиях. Вообще-то мне обычно не очень нравилось быть участником сеансов. Я

больше любил играть на равных. Однако я рад, что сыграл с патриархом одесских шахмат хотя бы вот таким образом.

Ж: Вы упомянули, что в 90-е годы играли в сеансе против трех компьютеров. Как закончились эти партии?

Г: Это были не шахматные программы для РС, а именно шахматные компьютеры. Поэтому, два у меня выиграли, у одного выиграл я.

Ж: То есть на тот момент это были уже достаточно сильные соперники?

Г: На тот момент существовали уже и более сильные компьютеры. Просто кто-то из организаторов решил проверить силу именно этих машин.

Ж: Раз уж у нас зашел разговор о компьютерах, хотелось бы задать такой вопрос. Года четыре назад на всю Украину прогремел скандал с Андреем Слюсарчуком, который якобы обыграл знаменитую программу «Рыбка». Со Слюсарчуком, мне кажется, все очевидно. Я бы хотел задать вопрос о «Рыбке». Насколько мне известно, эту программу до сих пор не обыграл никто. Как вы считаете, это в принципе по силам человеку?

Г: Прежде всего, я очень надеюсь, что со Слюсарчуком всем действительно все ясно. Он сейчас сидит в тюрьме. Если у кого-то есть сомнения, то всю информацию относительно этого мошенника можно найти в Интернете. Теперь по поводу «Рыбки». Насколько я

помню, «Рыбка» заявила о себе как об очень сильной программе в 2006 году. Это была первая программа, у которой не было постоянных перекосов в оценке позиции в миттельшпиле. «Рыбка» была первой программой, которая превзошла человека в оценке позиции. Тактику компьютеры и до «Рыбки» считали лучше человека. Но с 2006 года утекло много воды. Теперь уже «Рыбка» не является сильнейшей программой. Сейчас задают тон такие программы, как, например, Houdini и Stockfish. Я уже «Рыбкой» не пользуюсь. Но, всё-таки, «Рыбка» стала знаковым явлением. Это была первая общедоступная программа, которая была с очевидностью сильнее человека. Обыграл ли какой-то человек «Рыбку»? Возможно, кому-то это удалось в тренировочной партии. Последние серьезные матчи между компьютером и сильнейшими шахматистами мира игрались в начале века. Правда, недавно Хикару Накамура играл против компьютера, который давал фору пешку. Мне очень жаль, что такой замечательный шахматист играл матч не на равных. Мне кажется, лучше бы он играл на равных и проиграл хоть все партии. Хотя, если не ошибаюсь, Накамура все равно уступил – 1,5 на 2,5.

Ж: Известна история о том, как юный Михаил Ботвинник обыграл в сеансе Капабланку. После сеанса Капабланка предрек Ботвиннику большое будущее в шахматах. Удавалось ли вам во время сеанса разглядеть большой потенциал юного шахматиста?

Г: Интересный вопрос. Наверное, я провел не так много сеансов против детей. Чаще всего бывает так: давать прогноз или еще рано, или слишком поздно. Когда я впервые играл в блиц с Русланом Пономаревым в 1995 году (ему тогда еще 12 не исполнилось), то было уже совершенно очевидно, что это

фантастический талант. В сеансе ты все-таки меньше концентрируешься на отдельном противнике. Так что это не самая оптимальная форма, чтобы дать оценку юному таланту. Понимаете, «большое будущее» - это уровень Пономарева или Иванчука. К таким оценкам нужно подходить очень ответственно.

Ж: Всем известно о выдающемся достижении чемпиона мира Александра Алехина, который проводил сеанс вслепую на 32 досках. Возможно, широкая общественность менее осведомлена о мировом рекорде международного мастера Джорджа Колтановского, сыгравшего вслепую на 56 досках. А на каком количестве досок вы бы смогли дать сеанс вслепую?

Г: Я никогда не пробовал играть больше, чем на трех досках. Это был сеанс против дочери и двух племянниц. Им тогда было лет по десять. Сложность сеанса заключалась в том, что девочки все время шумели. Почему я не играл на большем количестве досок? Просто у меня никогда не возникало потребности испытывать свой предел в этом отношении.

Ж: Вы неоднократно высказывались по поводу деятельности Кирсана Илюмжинова. Что именно, по вашему мнению, он делает неправильно на посту президента ФИДЕ?

Г: Кирсан Илюмжинов 20 лет руководит ФИДЕ. Кроме того, он долгое время был президентом Калмыкии. Большую часть этого времени я активно занимался шахматной журналистикой, и говорить можно долго. Шахматы для Илюмжинова – сугубо второстепенная вещь, помогающая в достижении других целей. Вторая

претензия к нему заключается в том, что этот человек – патологический лжец. Он лжет общественности, журналистам. Я не раз это слышал, для него это норма. Из последнего, что поразило: он годами называл себя кандидатом в мастера по шахматам, а затем в интервью заявил, что он – перворазрядник. Илюмжинов пытался организовать матч на первенство мира у Саддама Хуссейна, а затем реально организовал чемпионат мира у Каддафи. Илюмжинов не гнушается контактами с самыми одиозными политиками Земли. Большинство бизнесменов, сделавших состояние в 90-е годы, не хотело, чтобы об их деятельности знали. Но Илюмжинов – из тех, кто изначально сознательно делал себе широкую рекламу. В этом отношении он способный человек. Он побуждает СМИ о себе говорить, делая громкие, даже если и бессмысленные, заявления. При этом шахматы дают Илюмжинову больше, чем он дает шахматам на посту президента ФИДЕ. Если бы он сейчас не был президентом ФИДЕ, он был бы мало кому интересен. Илюмжинов связан с темными делами и то, что американцы не зря закрыли ему въезд в страну, это совершенно понятно. Я был очень огорчен, когда ведущие украинские политики в прошлом году с ним фотографировались.

Ж: У меня создалось впечатление, что вы больше рассматриваете недостатки Илюмжинова как личности. А вредят ли его недостатки развитию современных шахмат?

Г: Я совершенно убежден, что шахматам нужен адекватный человек, которым Илюмжинов не является. Хотя он показывает себя более неадекватным, чем он есть на самом деле. Взять хотя бы историю с инопланетянами [Илюмжинов утверждает, что попал на космический корабль и общался с инопланетянами – О. П.]. Илюмжинов – это человек, который

очень хорошо умеет прикидываться дурачком. В любой сложной для него, непонятной ситуации он говорит какую-то глупость. У Илюмжинова плохая репутация в том мире, где репутация имеет значение. Она не способствует привлечению серьезного бизнеса в шахматы. Ему куда легче найти спонсора среди таких людей, как покойный Каддафи, чем среди таких, как Билл Гейтс.

Ж: Прочитал интервью с вами, опубликованное в польском издании «МАТ». Если скромные познания в польском меня не подводят, вы считаете Гарри Каспарова достойной альтернативой Илюмжинову. Почему вы считаете, что Каспаров на посту президента будет лучше?

Г: Это интервью было сделано в конце 2013 года, опубликовано в начале 2014 года. Оно появилось еще до выборов, которые Каспаров Илюмжинову проиграл. Я никак не поменял своей точки зрения, но теперь этот вопрос представляется менее актуальным. Каспаров – это человек, которого рады видеть практически в любой стране мира, кроме путинской России. Илюмжинов – это человек, которого уже просто не пускают в Америку. Конечно, Каспаров – очень сложная и противоречивая личность. Но претензии, предъявляемые Каспарову или Карпову, на порядок отличаются от претензий, предъявляемых Илюмжинову! Среди претензий к Каспарову не фигурируют убитые журналисты и другие предельно мрачные вещи.

Ж: От международных шахмат перейдем к украинским. Существует мнение, что после развала Советского Союза звания в шахматах сильно девальвировались. Означает ли это, что гроссмейстеры

времен независимости Украины слабее советских?

Г: Это серьезный вопрос. Звания, безусловно, девальвировались. Хотя бы потому, что теперь гроссмейстеров в мире стало больше тысячи. Если гроссмейстеры даже не знают друг друга хотя бы заочно, то это знак очевидной девальвации звания. Проблема есть, она не решалась ФИДЕ, и теперь слишком запущена. Я думаю, что на данном этапе наиболее разумным решением стала бы отмена званий. И я не один так считаю. Об этом, в частности, говорит и английский гроссмейстер Найджел Шорт. Но звания не отменяют ввиду господствующего в шахматном мире традиционализма. Мне откровенно стыдно видеть некоторых людей гроссмейстерами. Я знаю, что они получили звание нечестными методами. Но даже если говорить о нормальных гроссмейстерах... Раньше человек, завоевавший звание гроссмейстера, по умолчанию был профессионалом – если он сам этого хотел. Сейчас ситуация изменилась. Звание гроссмейстера ранее было гарантией профессиональной востребованности, а теперь это уже не так. Сейчас многое зависит от страны проживания шахматиста и ряда других факторов. Разумеется, я говорю о гроссмейстерах среднего уровня. Шахматисты уровня Иванчука или Пономарева всегда являются востребованными. Я выполнил заключительную норму гроссмейстера в 1996 году, когда стал чемпионом Украины, поделив первое место с Валерием Неверовым. Тогда у меня оказался выше коэффициент. В 1996 году еще были заметны отголоски старых времен, уважения к гроссмейстерскому титулу было больше. Если говорить о шахматистах второго-третьего эшелона времен СССР, то когда они смогли выехать за рубеж, стали гроссмейстерами совершенно заслуженно. Просто исчезли искусственные препоны. Причину

девальвации я вижу не в этом, а в том, что ФИДЕ, особенно при Илюмжинове, создает пути для облегчения выполнения нормы. Какие-то люди в ФИДЕ совершенно легально зарабатывают на том, что в мире появляется больше гроссмейстеров. И ведь это не только пошлина за получение звания, это также оплата федерациями рейтингового обсчета турниров. ФИДЕ также контролирует работу международных арбитров. Я не хочу сказать, что в данном случае зарабатывает именно Илюмжинов. ФИДЕ – большая организация. Если бы ФИДЕ следила за «размножением» гроссмейстеров, их было бы на порядок меньше. Нормативы были бы более строгими, и вся ситуация – другой. Но политика ФИДЕ в том, что им нужно по гроссмейстеру в каждой стране и каждом районе.

Ж: В 2013 году чемпионка мира Анна Ушенина в партии против Ольги Гири не смогла поставить мат конем и слоном. Можно ли относить этот факт к разряду девальвации звания гроссмейстера?

Г: Поставить мат конем и слоном не так просто...

Ж: Простите за то, что перебиваю. Вы бы смогли сейчас поставить мат конем и слоном?

Г: Я поставил такой мат в 1991 году в очень затяжной партии с тогда еще одесским шахматистом Шальневым на турнире в Югославии. Это была одна из самых продолжительных партий в моей турнирной практике. Мат конем и слоном – это тип окончания, которое в серьезной игре встречается редко. Нужно знать метод выигрыша. Но может случиться, что сильный шахматист за свою карьеру ни

разу не столкнется с таким окончанием. То есть, его знания окажутся бесполезными. Хотя знать это окончание все-таки желательно, мне бы не хотелось делать каких-то громогласных заявлений по поводу ничьих в таких окончаниях. Бывает всякое.

Ж: Шахматы в Одессе и Одесской области сейчас находятся в состоянии упадка. Способен ли Мороховский как глава федерации изменить ситуацию к лучшему?

Г: Если вопрос об оценке деятельности Вадима Мороховского, то за последние годы он – единственный человек, который все время давал деньги на шахматы. Большинство спонсоров появляются эпизодически. То есть, имеем ситуацию, в которой выбирать не приходится. Спонсоров для шахмат в Одессе найти очень сложно. Сейчас в тех отраслях, которые не относятся к вопросам первой необходимости, ситуация сходная. Мне кажется, если бы в нашей стране в десять раз сократилось количество денег, уходящих на взятки, то эти деньги перекочевали бы в спонсорскую поддержку таких общественно важных вещей, как шахматы. Поддержку получили бы не только шахматы, но и многие другие отрасли в сфере спорта и культуры. Моя иллюзия такова, что перестройка экономики могла бы помочь шахматам. Хотя того безумного потока инвестиций, который был при Советском Союзе, уже никогда не будет. Но, все-таки, определенное материальное обеспечение шахматам необходимо. Ни в Украине, ни в Одессе нет проблем с сильными игроками. Насколько я помню, Украина является одной из ведущих стран по количеству гроссмейстеров. Однако в Украине они не получают возможности реализовать себя, поэтому вынуждены зарабатывать в других странах. И тут радоваться нечему.

Ж: Способен ли современный международный гроссмейстер заработать себе на достойную жизнь?

Г: Этот вопрос слишком размыт. Звание гроссмейстера, конечно, помогает зарабатывать на жизнь, но не гарантирует само по себе заработков. Элитные гроссмейстеры в любом случае способны. Да и шахматист, стабильно входящий в мировую сотню, не должен испытывать финансовых проблем.

Ж: Вы – международный гроссмейстер, состоявшийся шахматист. Можете ли вы сказать, в чем заключаются слабые места в вашей игре?

Г: Безусловно, могу, хотя не уверен, насколько хочу. То, что можно назвать слабым местом в моей игре, было обусловлено и сознательным выбором. Я так и не научился получать удовольствие от сугубо стратегической позиционной игры. Хотя я научился играть позиционно в меру своих возможностей, когда это было необходимо. Мне иногда интересны какие-то яркие стратегические приемы, но в целом... Чтобы играть позиционно, особенно если ситуация требует лавирования, своего рода "топтания на месте", нужно переламывать себя. Мне наиболее интересны позиции, в которых обе стороны имеют динамические шансы. Это открытый бой. Такая игра может получиться, например, в открытых вариантах сицилианской защиты. Мне всегда хотелось играть в шахматы, которые интересны людям, мне самому, а также и противнику. Если говорить о других недостатках, то в некоторых дебютах мне явно не хватало подготовки. Когда я стал международным мастером в

1991 году, степень моей подготовки в некоторых дебютах была крайне неудовлетворительной. Со временем удалось это в какой-то мере загладить. Но всё равно в ряде дебютов моя подготовка вообще никогда не была очень хорошей. Думая об этом недавно, сделал вывод, что на мой подход к шахматам оказало, может быть, наибольшее влияние творчество таких разных шахматистов, как Таль и Полугаевский. Мне очень интересен подход Полугаевского, который раскрыт в выдающейся книге «Рождение Варианта». Поражает его степень увлеченности своим острейшим вариантом, вся эта дебютная работа. А Таль мог иногда выйти на партию слабо подготовленным, но что-то придумать за доской. Оба подхода для меня вполне приемлемы. А вот, например, творчество Ботвинника, Смыслова, Петросяна, Кереса, Спасского мне едва ли когда было интересно более, чем фрагментами. Ну что поделаться? Думаю, если бы я испытывал внутреннюю потребность стать позиционным шахматистом, я бы им стал. Но я не готов признать, что позиционная игра столь же ценна, как и комбинационная. Ну, а вообще этих слабых мест очень много - нет предела несовершенству.

Ж: Кого из тех, с кем вам довелось встретиться за доской, вы считаете самым талантливым шахматистом?

Г: Из одесских шахматистов самым талантливым, возможно, является Станислав Богданович. По крайней мере, шахматист, претендующий на высшие достижения, должен иметь такую же предельную мотивацию, как Богданович. Этого я не замечал у других одесских шахматистов. Мне жаль, что у Станислава мало возможностей для выступления в турнирах. Он получает недостаточно поддержки в Одессе. Если говорить о других шахматистах, то, конечно, нужно

вспомнить Руслана Пономарева, с которым я много работал. Это большой талант, который реализовал себя в значительной степени, хотя и не до конца. Нельзя не отметить Анатолия Карпова. Его стратегическая интуиция – очень интересное явление. При этом не могу сказать, что работа с Карповым и Подгайцем дала мне какой-то толчок как игроку. Это было, безусловно, интересно. Я играл с Карповым в блиц небольшой матч. Я понимаю, в чем смысл игры Карпова. Метод Карпова во многом профилактического свойства. Но я бы не смог этому научиться. Наверное, слово «талант» - это даже слабая оценка способностей как Карпова, так и Пономарева. Или Гельфанда, Иванчука, Крамника, Свидлера, Широга, с которыми я впервые играл еще в детстве. Можно также назвать Морозевича, с которым я играл в его юные годы. Каждый из этих игроков - талант первой величины. В этом отношении их очень трудно ранжировать.

Ж: А как вы сыграли упомянутый блиц-матч с Карповым?

Г: Насколько я помню, матч закончился 4,5 на 0,5 очка в пользу Карпова. Думаю, что это был закономерный результат.

Ж: Вы упомянули, что Богданович – очень талантливый шахматист, но ему тяжело пробиться. Означает ли это, что в современных шахматах без денег нельзя пробиться наверх?

Г: Я думаю, что эта проблема была всегда. Да, при Союзе деньги выделялись государством, но, как говорится, есть нюансы. Я помню эти времена хорошо. В 1984 году в первенстве Украины среди юношей (надо сказать, что тогда проводились чемпионаты среди юношей и

девушек в возрасте до 17 лет, и никаких детских чемпионатов в других возрастных группах) мне удалось занять второе место, опередив по коэффициенту Иванчука и Бродского. Первое место тогда занял будущий гроссмейстер Стас Савченко из Ильичевска, он на пару лет постарше перечисленных. В 1985 году я попал в десятку на первенстве Союза среди юношей и в рамках этого турнира в тройку в зачете до 16 лет. В том же 1985 году я играл в отборочном турнире к первенству мира среди юношей. Интересно, что отбор для всех был один – в нем играли даже шахматисты 1966 года рождения. В круговом турнире я набрал «-3» и разделил не самое почетное место с чемпионом СССР Гельфандом. В том турнире играли также Иванчук, Бареев, Олль, Серпер, Улыбин, Смирин, Акопян... Иванчук и Бареев боролись за первое место. Это была жесточайшая борьба. Чтобы быть интересным государству, ты должен был держаться на уровне Иванчука или где-то очень близко. А для всех остальных выставлялась искусственная планка. Тяжело было даже поехать за границу – в Болгарию или Венгрию. Сейчас об этом даже странно вспоминать. Я впервые выехал за границу, когда мне было 20 лет, еще при СССР. Я рад, что сейчас другие времена. Довольно печально жить в стране, из которой не выпускают. Но, безусловно, проблема финансирования шахматиста есть. Стас Богданович уже вышел из юношеского возраста. Ему, как и любому профессиональному шахматисту, не входящему в элиту, сейчас тяжело. Тяжело жить в Украине и быть профессиональным шахматистом. Может быть, это относительно легко только игрокам мужской сборной Украины и некоторым шахматисткам из женской сборной. Проблемы Стаса очевидны – можно заметить, как редко он выступает в соревнованиях. Но я рад, что он продолжает выступать. В частности, он играл в чемпионате мира по рапиду и блицу.

Ж: У вас с Василием Иванчуком разница в возрасте – один год. Это означает, что уже в детском возрасте вы пересекались на многих турнирах. Как вы считаете, почему столь талантливый и фанатично преданный шахматам игрок все же не стал чемпионом мира?

Г: Я знаю Иванчука с 1983 года, когда он играл в первенстве Украины среди юношей. Думаю, его обоснованно называют гением. Гений – это ведь оценка творческих достижений, не спортивных. Иванчук внес в шахматы очень много новых идей. Почему он не стал чемпионом мира по классике? Не думаю, что скажу что-то оригинальное. Где-то, наверное, ему не хватило крепости характера в сравнении с такими монстрами, как Каспаров или Карпов. Возможно, Василий как шахматист очень творческий слишком многое хотел делать сам, не доверяя работу помощникам. Потому что ему интересно думать в шахматах самому, используя свои идеи. Но ведь суровая реальность заключается в том, что и на Карпова, и на Каспарова работали громадные команды помощников. Впрочем, Иванчук добился многого даже при этих условиях. Он был вторым номером рейтинга, если не ошибаюсь, с перерывом в 17 лет. То есть он был одним из лучших игроков мира на протяжении длительного периода. Он был чемпионом мира по блицу. Да, он не стал чемпионом мира по «классике», но в свете его достижений этот факт нужно воспринимать без трагизма. Между прочим, в данный момент Иванчук – второй в мировом рейтинге по быстрым шахматам. И хотя бы в этой дисциплине удерживается на подступах к самой вершине.

Ж: Вам довелось поработать в командах двух чемпионов мира по шахматам –

Анатолия Карпова и Руслана Пономарева. В чем заключались особенности работы с каждым из них?

Г: Карпова и Пономарева часто сравнивают по типу дарования. Это не лишено оснований, но при этом любой, кто проанализирует их дебютный репертуар, сразу увидит отличия. Работа с Карповым включала две тренировочные сессии, в которые я был включен с подачи его основного тренера Михаила Подгайца. Я был участником аналитической бригады. С Пономаревым я сотрудничал на порядок больше. В первый раз, когда ему было 11 лет. Последний раз я ему помогал в 2011 году, когда ему удалось выиграть чемпионат Украины. Нас объединяют и дружеские отношения. Очень трудно говорить о человеке, когда его знаешь хорошо. Он, безусловно, многого достиг. Но Пономарев мог достичь и большего. В какой-то момент его мотивация перестала быть предельной, какой она была, например, в 2001 году. Почему? Мне кажется, это связано не с шахматными, а с личными причинами. Но я не хотел бы в это углубляться.

Ж: Известно, что вы – украинский патриот. Не разочаровались ли вы в своих идеалах в свете того, что происходит в Украине?

Г: Я – политический активист. Нет, я ни в чем вообще не разочаровался. Если говорить о моих политических взглядах, то они радикально проевропейские. Я считаю, что все системные явления, которые не укладываются в европейский стандарт, Украине вредны. Я бы сказал, что я – человек достаточно космополитичный. Я считаю, что мой дом

– это планета Земля, Украина – это моя квартира, а Россия – это сосед, который проломал стенку в мою квартиру. Поэтому политика России вызывает у меня бешенство не меньшее, чем у людей, которые позиционируют себя в первую очередь именно как патриоты. К слову «патриот» я отношусь довольно осторожно. На самом деле, патриотизм – это просто нормальное отношение к тому месту, где ты живешь. Политически я скорее демократ. Люди, которые ненавидят Украину, непонятно зачем вообще получали украинское гражданство. Возьмем небезызвестного Вассермана. Он утверждал, что в свое время получил украинское гражданство для того, чтобы ему было легче разрушать Украину! С другой стороны, я тоже жил в стране, которую не любил. Она называлась Советский Союз.

Ж: На Youtube можно найти видеоролик, где одесситы разных возрастов и профессий поют песню «Улыбаясь Дюку», ставшую в 2013 году гимном Одесского евромайдана. Среди поющих можно увидеть и вас. Как вы стали участником этого ролика?

Г: Я был активистом одесского Евромайдана с первого его дня. Авторы гимна – Федор Ткач (режиссер) и Всеволод Люмкис (автор слов) – знали меня еще по совместному участию в различных неполитических мероприятиях. Так я и попал в круг приглашенных. Надо сказать, что в 2013 году Евромайдан чрезвычайно нуждался в поддержке, в том числе и творческих людей. В ролике принял участие целый ряд действительно широко известных творческих личностей, к которым я себя не отношу.

Ж: После того как началась российская интервенция, не было мысли пойти на

фронт?

Г: Это, безусловно, существенный вопрос. Как человек малотранспортабельный, я скромного мнения о своих боевых способностях. Мое участие будет эффективным, разве что если Путин дойдет до поселка Котовского. Надеюсь, что этого не случится.

Ж: В одном из интервью вы сказали: «Журналистика – более творческое занятие, чем игра в шахматы». Почему вы так считаете?

Г: В шахматах ваша фантазия и возможности ограничены доской 8x8 и правилами игры. Другое дело, что возможности для самовыражения в шахматах тоже немаленькие. Комментируя партию, можно в примечании к первому ходу вставить художественное произведение размером с «Войну и мир». Формально вам никто не может помешать это сделать. А в шахматной игре творческие возможности все же лимитированы. Особенно это стало заметно с появлением сильно играющих компьютеров. И ценность ходов, которые сейчас находит человек, будет объективно ниже, чем в докомпьютерные времена. Мне кажется, ценность ходов, которые находит современный шахматист, должна восприниматься с учетом быстроты принимаемых решений. Именно поэтому я считаю развитие быстрых шахмат очень перспективным. Я также считаю, что открытость, законченность – это и слабая, и сильная сторона этой игры. В шахматах можно объективно оценить принимаемые вами решения. От сделанной ошибки некуда спрятаться. Конечно, иногда особо сложные позиции не могут адекватно

оценить даже современные компьютеры. Но большинство позиций поддаются объективному анализу, и все главные ваши ошибки налицо. В шахматах исключительно важно уметь переживать ошибки и обращать их себе на пользу. Не всем это удастся. Вы спрашивали о моих слабых сторонах как игрока. А из сильных упомяну то, что мне удавалось извлекать пользу из поражений. Они были обучающими и мотивирующими куда более, чем травмирующими. Хотя проигрывать неприятно всегда.

Ж: В одном из интервью вы по просьбе журналиста давали рекомендации, что стоит прочесть. Что вы читаете сейчас?

Г: Как понимаю, речь не о шахматной литературе. В данный момент нет серьезного произведения, которое я читаю. Мне хотелось бы, чтобы для этого было больше времени. Когда я стал меньше ездить поездами, стал и намного меньше читать. Но стараюсь не пропускать передачу Дмитрия Быкова на радиостанции «Эхо Москвы», которая называется «Один». В ней Быков дает краткие оценки книгам и писателям. Из этой передачи можно многое узнать о сотнях писателей, произведения которых вы, скорее всего, никогда не прочтете. Но, по крайней мере, вы будете знать, что же упустили. За выступлениями интересных мне украинских писателей слежу тоже.

Ж: Вы являетесь автором трех шахматных книг, посвященных теории дебютов. Насколько мне известно, вы сейчас пишете четвертую. Чему будет посвящена эта книга?

Г: Эта книга также будет посвящена дебюту. Но пока мне бы не хотелось

вдаваться в детали. Думаю, если план осуществится, шахматисты, по крайней мере, узнают о ее появлении.

Олег Пархитко